

18+

Об анархизме после

Боб
Блэк

Боб Блэк

Об анархизме после

«Издательские решения»

Блэк Б.

Об анархизме после / Б. Блэк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980320-7

Анархизм как философия и политика во все времена проходил испытания современностью. В последние полвека таким вызовом для анархизма можно считать культурный феномен постмодернизма и гибридные режимы под маской демократии. Об этом идёт речь в представленных здесь двух текстах Боба Блэка «Тезисы об анархизме после постмодернизма» и «Анархизм после обамании». Это глас вопиющего в пустыне реального: «Анархисты за демократию? За Барака Обаму? За Берни Сандерса? Когда же анархисты будут за анархизм?»

ISBN 978-5-44-980320-7

© Блэк Б.

© Издательские решения

Содержание

ТЕЗИСЫ ОБ АНАРХИЗМЕ ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Об анархизме после Боб Блэк

Мартин Льюис *Иллюстратор*

Александр Умняшов *Переводчик*

Степан Михайленко *Редактор*

Наталья Солнцева *Корректор*

© Боб Блэк, 2020

© Мартин Льюис, иллюстрации, 2020

© Александр Умняшов, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-0320-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕЗИСЫ ОБ АНАРХИЗМЕ ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

1. Анархизм: 1) Учение о том, что общество без государства возможно и желательно – 2) Власть анархистов. *устар.*

2. Анархизм, правильно понимаемый, не имеет ничего общего с нормами и ценностями общепринятой морали. Мораль для разума является тем же, чем государство для общества: чуждым и отчуждающим ограничением свободы, извращением целей и средств. Анархистами нормы и ценности понимаются – а значит, чаще применяются – как подходы, рациональные методы, механизмы. Они могут обобщить какую-то житейскую мудрость, извлечённую из социального опыта. Но при этом они же могут оказаться своекорыстным диктатом власти или однажды полезным решением, которое в изменившихся условиях больше не служит ни анархистской, ни какой другой благой цели.

3. Говорить об анархистских нормах и ценностях не так уж бессмысленно – но это связано с зачастую ненужными рисками. В обществе, по-прежнему пропитанном христианством и его светскими суррогатами, существует риск, что традиционное абсолютистское использование этих поучающих слов распространится на то, как их используют анархисты. Это вы используете нормы и ценности или они вас? Как правило, лучше (но, конечно, отнюдь не всегда лучше) анархистам избегать предательских морализмов и просто сказать прямо, чего они хотят, почему они этого хотят, и почему они хотят, чтобы всем этого захотелось. Другими словами, выложить карты на стол.

4. Подобно нормам и ценностям, анархистские «измы», старые и новые, лучше всего рассматривать как средства, а не ограничения. Они существуют для нас, а не мы для них. Неважно, если я, например, вероятно, больше извлёк из ситуационизма, чем из синдикализма, в то время как другой анархист взял больше из феминизма, марксизма или ислама. Где мы были и даже откуда мы, менее важно, чем то, где мы находимся и где, если вообще доведётся, окажемся – в случае если мы идём в одну сторону.

5. Давайте «тип 1» отнесём к анархо-лефтизму, а «тип 2» – к анархо-капитализму. «Тип 3» будет метатипическим («не называйте меня никак»). Анархист третьего типа категорически отвергает классификации. Его «существование предшествует его сущности» (Сартр). Для него нет ничего обязательного и всё возможное возможно. Он считает, что принцип немедленных действий занимает слишком много времени. «She flies on strange wings» (Shocking Blue). Жена Уинстона Черчилля как-то пожаловалась на его пристрастие к выпивке. Черчилль ответил, что он взял от алкоголя больше, чем алкоголь забрал у него. Анархист третьего типа берёт из анархизма больше, чем анархизм забирает у него. И он пытается получить от жизни больше, чем жизнь забирает у него. Стремление к любви, чуткости, самоутверждению, хищности получает столько практического применения, сколько изобретательность и воображение, присущие типу 3, способны предложить.

6. В целом отказ от принципов универсального применения имеет универсальное применение. На практике каждый человек имеет свои ограничения и меняется в силу обстоятельств. Формулы успеха не существует, как не существует осознания, что нет никакой формулы успеха. Но разум и опыт выявляют некоторые сферы предполагаемой тщетности анархистской деятельности. Легко и целесообразно, например, анархистам держаться подальше от избирательной политики. Желательно, но не всегда можно, отказаться от работы, хотя, как правило, на некоторых рабочих местах можно без лишнего риска участвовать в некоторых видах сопротивления. Преступность, чёрный рынок, а также уклонение от уплаты налогов являются иногда как реальными альтернативами, так и дополнением к участию в санкционированной государ-

ственной системе. Каждый должен ясно оценивать свои обстоятельства. Делайте, что можете, и старайтесь не попасться. Среди анархистов уже достаточно мучеников.

7. Анархизм сейчас находится в переходном периоде, и многие анархисты испытывают беспокойство. Очень легко выступать за изменение мира. Но слова стоят недорого. Не так-то легко изменить свой маленький уголок. Различия между традиционными анархистскими направлениями не имеют значения, потому что традиционные анархистские направления сами по себе не имеют значения. (Для наших целей давайте игнорировать «тип 2», анархистских сторонников свободного рынка, которых, кажется, не так уж много за пределами США, хотя и здесь их мало и влияние их минимально.) По всему миру необратимый и давно назревший упадок левой политики ускорил и нынешний кризис среди анархистов.

8. У анархистов наступил кризис идентичности. Продолжают ли они оставаться левым крылом левого крыла и единственные ли они такие? Являются ли они чем-то большим или чем-то другим? Анархисты всегда делали для остальных левых больше, чем остальные левые делали для них. Любой анархистский долг левым уже давно выплачен в полном объёме и ещё больше в придачу. Теперь наконец анархисты вольны быть самими собой. Но свобода – это пугающая, неопределённая перспектива, в то время как старые левацкие клише и ритуалы остаются удобными, как пара старых ботинок (даже если это пара деревянных башмаков). Более того, с тех пор как левые перестали быть опасны, анархо-лефтистам не угрожают государственные репрессии, когда они вспоминают и восстанавливают свою древнюю, мифическую славу. Это так же революционно, как курить анашу, и государство одинаково терпимо к тому и другому.

9. Насколько же сегодняшний мир – «анархистский»? С одной стороны, очень даже анархистский, а с другой, совсем нет. Мир очень анархистский в том смысле, что, как считал Кропоткин, человеческое общество, вся человеческая жизнь всегда гораздо больше зависят от добровольных совместных действий, чем от любого государственного регулирования. При суровых государственных режимах – в бывшем Советском Союзе или в современном Нью-Йорке – сам режим зависит от повсеместного распространения нарушений его законов ради сохранения и поддержания своей власти. В ином смысле, мир совсем не анархистский, потому что нигде не осталось никакого человеческого сообщества, которое хотя бы в некоторой степени не находилось под определённым государственным контролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.